Фрл

Уважаемая Зинаида Николаевна!
Здравствуйте!

Письмо Ваше получила 4-го марта. Вот уж и наш праздник 8е марта прошел а я все никак не могу стряхнуть с себя недомогания, навалившиеся на меня с первыми капелями. Много ли надо одуванчику в 86 лет? Да ещё с хроническими недугами! Но очень хочется ответить на вашу просьбу поделиться воспоминаниями о Цицероновых, а так же и о вашем самых близких - бабушке и маме.

Начинаю сегодня 15-го марта, на сколько меня хватит - незнаю. Сосуды лопнут и стонут. Так что придется писать с перерывами. Ведь писательский труд не легок, тем паче не профессионалу да еще и престарелому.

Ну что ж! Не боги горшки обжигают.

Начну, пожалуй, с Цицероновых.

Все воспоминания относятся, в основном, к раннему моему детству. Что запечатлелось в детском умишке, о том и пишу.

Ярко помню один поход, в который нас девочек повела Евгения Ивановна в Троицын день в, так называемый в деревне, „попов рукавчик". Это было поистине одно из красивевших мест в кане нашей слободы Малаковки на Взгорке.

Глубокая лощинка, внизу которой журчал ключик-ручёк, впадающий в нашу речку - почёту со стороны летников, а к этой лощинке примыкала усадьба барская с огромным яблонево-вишневым садом. Склоны лощинки утопали в разноцветье - незабудки, дикая гвоздика, ромашки, разные колокольчики. Яркий, солнечный день. Мы нарвали много цветов и Евг. Иван. учила нас плести венки.

Второе

Письмо

Рассказывала много о цветах, о празднике Троицы. Этот день остался в моей памяти красивым видением.
Теперь от этого очарования ничего не осталось. Сад похоронен после войны под коровниками, лощина завалена их отходами, там сейчас красуется водонапорная вышка, которая почему-то давно не работает.
Помню, когда Пасха была ранняя-холодная, грязная, Евгения Ив. приглашала нас к себе домой. Зало было большое, свободное. Стелился коврик, устраивалась полочка дощечка и мы катамузычки. Крашеные, пили чай с ландрином.
Мы росли, и быт мне всё больше бросался в глаза. Крестьянские дети небыли в основном богатые в период организации колхозов да и перед войной-то, тоже.
Но каждое хозяйство имело корову, овечек. А крайняя бедность Цицероновых год от года всё возрастала.
Помню у Цицероновых был просторный, хороший сарайчик, в нем у них жила черная козочка. За сарайчиком было немного земли, ну сотки полторы, не больше. Они сажали там картошечку. Отобрали землю, она заросла бурьяном. Колхозу она была не нужна, а их лишили такой малости. Козочку нечем было кормить, куда она делась? Незнаю, может, тоже отобрали, может сбежи сама. Зимой русскую печь в кухне совсем не топили, нечем было. Топилась в горнице только лежанка, отапливая две спаленки и всю комнату. В ней же и готовили пищу. И весь сарайчик был, видимо, разобран на топку. И при всем этом была какая-то в квартире стерильная чистота. Ни лишней мебели, ни посуды. Вывод один; неужели все

этого не знали, никто из Цицероновых никогда ни на что не жаловались и обо всех лишениях ничего не говорили.

Когда мы учились уже в Летниках, у Нины видимо был хронический бронхит, она всё время кашляла, особенно зимой, когда нам давали захудалую клячёнку-лошадку и мы по холоду спозаранок ползли до школы 5 км, лошадка стояла 5 часов на холоде у школы, жуя скудную охапочку сена и потом везла уже нас, а наши портфельчики, и мы чапали за санями, чтоб согреться. Но у нас были хоть бы валенки, у деревенских детей. А на Нине были худые валенки, из них торчала соломка, уложенная для согрева. Ни тёплых носочков, ни валенок. Боже мой! Какие же лишения они терпели. Как же они выжили? Бог помог? А может все же были добрые люди, которые тайно помогали хоть чем-нибудь? Для нас детей осталось тайной. Это все видели мои глаза, а разум-то был детским, не способный все анализировать.

Александр Александрович был единственной мужской опорой. (сын) Саша был болен. У него, видимо, был остеомелит позвоночника или бедра, не знаю. Когда умер, тоже не знаю. Видимо, меня уже небыло в Поливанове.

Вот, Зина, все что отложилось в моей памяти и увидели мои глаза.

Спасибо, что обо всех членах семьи мне описали. Но куда же делась Лариса? Она была постарше Вашей мамы и они как-то больше с ней общались. Она была самая, пожалуй, раскрепощенная, всегда веселая, хохотушка. Потом она уехала в Москву, мечтала поступить в Медучилище.

О чём я только слышала, что она, вроде, учительствовала в какой-то среднеазиатской республике. У нее тоже была дочь Лариса?
Алевтину я видела всего один раз. Она, видимо, жила уже в Москве? такая девочка худенькая, хрупкая, умненькая
Мы дети общались во времена, когда были вместе Лариса, Нина и Женя.
Евгения Ивановна, наверное, жила с женой? Об этом мне рассказывала твоя мама в один из приездов моих в Поливаново.

Зина! Вот немного о „героях-предателях" нашего батюшки.

Черкасов Ф. И. – приятель. Мы жили по соседству. Это, видимо, он.
Сейчас на этой усадьбе живет моя сестричка Маша Терехова.
Этот „герой" ни одного дня не работал в колхозе. Помню его продавцом в магазине, потом библиотекарем. Подвизался зав. клубом, когда он был в пристрое к дому Цинеровых. Потом, уже по каким причинам, незнаю, переехали куда-то. А Маша сестре купила у него дом.

Соловьев – его сыночек, со мной в одном классе учился. Противненький парень был.

А Крючков не наш, а из Лобково. Вот он у бом нашим председ. колхоза при его образовании, ничего у него не получилось, развалил до нижен. существ. колхоз. Вот его у пристроим председат сельсовета.

Ну а теперь с нового листа и другое трудоспособное для меня время начну воспоминания о твоей Зина бабушке, ну и о наших детских житье-бытье с Ниной, Тамарой и вообще об укладе Черкасовых. (А пока отдых)

Продолжу свои воспоминания о З.И.
Но боюсь что мне трудно будет что-то написать о домашнем быте, так как я встречалась с З.И. очень редко и мимолетом в обычной жизни семьи твоей бабушки.
Все, что я напишу, - это мои детские воспоминания, вернее ощущения.
По моему З.И. была очень несчастным человеком, очень одинокой, замкнутым в своем одиночестве. Ей было не до подружек своих девочек. Своих-то детей как-то надо было воспитывать.
Домоуправительницей была тетушка Степанида, Ваша прабабушка. На ней держался весь дом. Вотчина ее была - вторая часть дома - там и спальня, и кухня, и столовая. Там в этой обители мы, детвора и встречались. Она нас угощала пирогами, яблоками. Это маленькая, тихая старушка несла на своих плечах огромный груз забот на своих плечах. Накормить семью, обиходить корову, управиться с большим огородом, садом и как-то обогреть внучат.
Я иногда, только в зимнее время, заставала З.И. в столовой за столом, проверяющей наши школьные тетради. В большой комнате было холодно. Мы, подружки убегали по своим делам, старались не мешать.
Летом почти всегда последние то годы она уезжала в Кисловодск лечиться, дети оставались опять же на попечении т. Степаниды.

А вот дедушка по моему совершенно не принимал ни какого участия в воспитании детей. Его же никогда небыло дома. Даже в выходные мне как то не доводилось его увидеть. Только на похороны Зин. Ив. Я его пожалуй впервые увидела, он приехал с Верой (запамятовала её отчество) она держала как-то себя по хозяйски. Только потом я поняла кто она и кем была, когда забрали Нину учиться в Коровино. Мы уже повзрослели, поняли, что к чему.

Вот откуда одиночество твоей бабушки, и причина может быть заболевания сердца - ведь все эти гипертонии и стенокардии на нервной почве, стрессы.

Да! В материальном отношении дети были обеспечены - обуты, одеты, накормлены, но душевного тепла не видели.

Может я это все осознала потом, повзрослев. И в чем-то не права. Но может мама твоя все видела по своему.

Но вот осталось у меня одно воспоминание более романтичное, более раннего периода, когда может еще не очень были больны Зинаида Ивановна. Мне было лет 9. Летний, теплый вечер. Я шла домой от Цыцероновых и услышала пение в вашем доме. Я подошла к дому и поднялась на веранду. Окна были раскрыты и в окно было видно всю залу. За столом сидели гости, над столом висела большая лампа с матовым абажуром. Я испугалась - вдруг увидят? - Спустилась с веранды, уселась на цоколь дома, нагретый за день и слушала пение. Как же хорошо пели! Запомнились мелодии (у меня слух хороший) „Замучен тяжелой неволей". „Ревет да стогнет Днипр широкий" и другие украинские песни.

И прямо сейчас слышу слегка глуховатый низкий голос Зин. Ив. и мужские голоса. Я увидела у окна седьмого мужчину чужого. И только потом я его узнала, уже сдавая экзамены в четвертом классе -
Это был инспектор РОНО, Филипп Алексеич по моему его звали, который на экзаменах задал мне каверзный вопрос: „Как будет во множественном числе слово Дно".
Я и так и эдак склоняла, а они посмеивались с Зин. Ив. так добренько над моим смятением. И Филипп Алекс. сказал: „Не волнуйся крохи оценку мы тебе не снизим, а напрямую знай нашу подсказку: во множ. числе Дно будет — Донья. Зина! Я многим потом задавала эту загадку и многие не сразу находили ответ. Это уже был 36 год.
Мой папа умер в тридцать пятом в июне. В день похорон З. И. была у гроба папы в платье черном, по черному белые цветочки. Высокая, стройная. Над гробом папы она сказала — „прощай Иван Кузьмич.
Следующая очередь моя". Эти слова запомнились моей двоюродной сестрой из Лобкова, она на много старше меня была и значительно позже мне рассказала.
У отца и З. И. одинаковый видимо был диагноз — Закупорка клапан. Она предвидела свою судьбу, через 1,5 года и она скончалась.
Вечная им память.
Ой! Сколько еще воспоминаний уже о наших подростковых годах.
Нина, твоя мама, наверное рассказывала, Был у нас в Поливанове клубишка, в пристрое к дому Цицероновых, бывшее служебное строение церкви. Там мы встречались и приобщались к культуре, даже ставили спектакли: „Полтава" - по Пушкину
Медведь - Чехова.

В Полтаве твоя мама играла Марию дочь Кочубея. Когда она так надрывно объявила Мазепе „Стой на пляжу я" в голосе ее прямо тембр Зинаиды Ив звучал. Тамара плясала цыганочку в паре Любой Капраловой (моей дальней родственницей) У Тамары пластика была вполне приличная. Костя играл на струнных - балалайке и мандолине. Я бренчала на гитаре и пела, было голосок был не плохой.

Но в отличие от своих подружек, я панически боялась сцены - всю жизнь. Запевалой была от юности до старости везде и всюду, но в быта. Но сцена так и осталась страхом моим.

Ой! Сколько еще воспоминаний о наших уже взрослых детях! Тоже в переходном периоду взрослости, но все уже стирается. Описать более-менее яркие.

Прошли годы. Я наверное последняя из могикан. Живы Тамара?

Бывая в Полтаве, обязательно посещаю кладбище, кланяюсь твоим Зина родителям. Папа твой во всей красе и все с таким же дерзким взглядом, отличной из него вышел председатель. Много после себя оставил хороших дел.

А вот портрет Нины неудачен. Она на нем как-то не похожа.

Вышла покланяться им от меня. Вечная память им.

Извини пожалуйста за мои скромные писательские способности. Старость.

Привет всем твоим домочадцам и пожелания здоровья.

19/III 2012 г